

А.Г. АЛЕКСАХА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯН. ПРОГРЕССОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ (ПРОДОВЖЕННЯ)

2. География.

Как следует из предлагаемой методологии, географическая среда определяла почти все особенности развития доиндустриальных обществ. Тут важно все: климат, рельеф, увлажненность и т.д. Географический регион, в котором с уверенностью можно локализовать ранних славян – это Центральная и Восточная Европа, то есть регион от Адриатики на юге до Балтийского моря на севере и от Рейна на западе до Урала на востоке. Для всего этого региона характерно отсутствие изолированных природных резервуаров. Карпатская горная система отделяет бассейн Среднего и Нижнего Дуная от равнинных районов современной Польши и Германии на севере и Украины и Белоруссии на востоке. Однако она относительно невысока и во многих местах легко преодолима.

Именно в этом и состоит специфика рассматриваемого региона. Вследствие действия первого закона резервуара тут не могло возникнуть особенно продвинутых по пути прогресса сообществ. Если, по какой-то причине, критический коэффициент в каком-то резервуаре становился существенно выше, чем в соседних резервуарах, то обязательно происходил прорыв стенок резервуаров, миграция и выравнивание критических коэффициентов. По причине действия этого механизма не могло возникнуть и существенной разницы в степени интенсификации хозяйствования. Поэтому переход, скажем, к подсечному или к пашенному земледелию происходил в

Центральной и Восточной Европе довольно быстро на огромных пространствах.

Принципиальное различие на рассматриваемой территории создавал характер растительности, то есть весь регион делится на две большие зоны – степную и лесную. Это важно потому, что интересующий нас период истории на территории Восточной и Центральной Европы относится к периоду активных миграций: до появления двуполюя и трехполюя, но после перехода к производящему хозяйству, то есть скотоводству и земледелию. Следовательно, это был период, когда на Евразийских просторах господствовало пастбищное скотоводство и наиболее примитивные формы земледелия – пойменное и подсечное.

Открытой степи деревьев нет, и поэтому тут возможно было главным образом пастбищное скотоводство. Для нас, людей современного мира, бывает непросто понять, что действие закона Бозеруп в то время делало невозможным земледелие там, где не было деревьев. Вспахать степные черноземы можно было только плугом – то есть орудием, подрезающим и переворачивающим пласт земли. Дернину степных трав нужно было подрезать, а затем переворачивать, чтобы их наземная часть оказалась засыпана землей, иначе они вновь начали бы расти. Переход к такой обработке почвы означал резкое увеличение критической плотности и, следовательно, емкости резервуаров, так как земледелие в

этом случае выходило бы на степные просторы. Однако переход к плужной обработке почвы означал сильное падение производительности труда. Пахота плугом, особенно подъем целины, была очень тяжелым занятием, тащить плуг могли только несколько тягловых животных, которых нужно было содержать целый год. Сам по себе плуг также был довольно сложным и дорогим орудием. Спонтанный переход к плужному земледелию у кочевников ни разу не был зарегистрирован этнографами, потому что слишком большим было падение производительности труда при переходе от пастбищного скотоводства к плужному земледелию. Именно поэтому оседание кочевников на землю, происходившее под действием высокого критического коэффициента, практически всегда происходило в зоне леса, то есть там, где деревья позволяли практиковать подсечное земледелие. Появление же в степи плужного земледелия было возможно лишь после того, как рост плотности населения в лесной зоне вынудил земледельцев перейти к трехполью и только потом, после очередного заполнения резервуаров в лесной зоне, земледелие могло выйти в степь, что произошло на Восточноевропейской равнине лишь в XVI веке.

Вместе с тем нельзя утверждать, что земледелия в степи вообще не было. В степи в поймах рек и даже в крупных балках существовали участки, на которых было возможно пойменное земледелие. Кроме того, также в долинах рек и балок существовали лесные массивы, так что подсечное земледелие тут также было возможно, однако в целом в степи участки, на которых было возможно как пойменное, так и подсечное земледелие были незначительны, что и определило соответствующую роль земледелия по сравнению со скотоводством.

Очевидно, что в лесной зоне возможности для земледелия в то время были несравненно больше. Принципиальная разница при обработке

степных и лесных почв на выжженных участках состояла в том, что первые были покрыты мощной дерниной корневищных трав, а вторые вообще лишены каких-либо сорняков, да еще и разрыхлены сильным огнем. Примитивные рала, найденные в болотах в нескольких местах Европы, вообще не имели металлических частей. Собственно говоря, как уже отмечалось выше, на Восточноевропейской равнине достоверно зарегистрирована практика, когда разбросанные по палу семена заделывались вершаминой – верхней частью ели с обрубленными сучьями. Это легкое и простое орудие таскали по участку вручную [Попов, с.67; Чубинский, с.17, 20; Советов, с.19; Лепехин, с.239]. Вместе с тем в лесной зоне с успехом можно практиковать и пастбищное скотоводство.

Эти обстоятельства предопределили существенную разницу в величине критической плотности в лесной зоне и степи, так как даже примитивное подсечное земледелие создавало большую емкость лесных резервуаров по сравнению со степными, где население, как правило, жило практически только за счет пастбищного скотоводства. Следовательно, согласно второму закону резервуара, степные резервуары должны были развиваться быстрее, чем лесные. Далее, население степи должно было находиться под действием более высокого критического коэффициента, что, согласно третьему закону резервуара, определяло более высокую военную активность степняков.

Вследствие того, что заполнение резервуаров вынуждало население степи рано или поздно переходить к земледелию в лесных районах, в степи постоянно, на протяжении тысячелетий, происходил циклический процесс. Сначала, пока критический коэффициент был низок, население степи вело относительно мирную жизнь. Затем по мере нарастания критического коэффициента в степи усиливается напряжение. В соответствии с третьим законом резервуара все чаще

происходят столкновения между племенами, угоны скота и т.п. Усиливается натиск кочевников и на земледельцев. Происходит усиление и централизация власти. Племена объединяются в крупные союзы, вожди наделяются неограниченной властью и, возможно, даже обожествляются. Наконец напряжение достигает апогея, после чего начинается оседание степного населения в лесных районах и его переход к подсечному земледелию. Хотя далеко не все население переходит к земледелию, критический коэффициент в степи резко падает. Поэтому в данный резервуар начинает переселяться население из других степных районов. Вследствие этих процессов в степи постоянно менялись народы, языки и культуры.

Евразийский степной пояс, протянувшийся от Монголии до Карпат, не везде граничит с районами, благоприятными для ведения подсечного земледелия. Поэтому оседание кочевого населения происходило на периферии этого пояса неравномерно. Суровый климат Сибири мало благоприятствует росту зерновых, хотя лесостепной район на южной границе тайги, особенно в долине Иртыша, имел определенное значение. Также немного возможностей для подсечного земледелия дают горные районы Средней Азии и, кроме того, они в своем большинстве отделены от степей обширными пустынями. Гораздо больше для этого возможностей в Европе. Это Северный Кавказ, район лесостепи на Средней Волге, украинская лесостепь, горный Крым и восточная часть Карпатской горной системы. Вдоль Нижнего Дуная степь коридором ведет вглубь Европы к венгерскому степному острову, так называемой пуште. По этому коридору прошли очень многие степные народы, чтобы осесть в Средней Европе.

Вследствие того, что в Европе для оседания кочевых народов было больше возможностей, тут оседало большее количество кочевников. В результате процессы в степном поясе Евразии

напоминали действие «насоса»: в европейских степях происходило оседание очередного кочевого народа, вследствие чего критический коэффициент тут падал и, на освободившееся место, с востока приходила новая волна кочевников, затем цикл повторялся. Оседание кочевников на землю наглядно показывает, как мала была емкость степных резервуаров. После того как очередной кочевой народ оседал в лесных районах, становилось очевидным, как мало было людей в степи, потому что количество населения лесной зоны после этого существенно не менялась.

Оседание степных народов первоначально происходило не в собственно лесной зоне, а в зоне лесостепи, то есть промежуточной зоне между лесом и степью и лишь позднее бывшие кочевники могли расселиться глубже в лесную зону. Зона лесостепи, хотя и протянулась вдоль всей лесной зоны, далеко не везде одинакова. Наиболее обширные районы лесостепи располагаются вдоль течения крупных рек, пересекающих эту зону. Это обусловлено тем, что фактором, ограничивающим рост лесов в этой зоне, является недостаток влаги. На границе с лесом достаточно даже небольших понижений рельефа для того, чтобы тут хватало почвенной влаги для роста лесов. Именно поэтому вблизи течения крупных рек, где влажность почвы выше, леса заходят далеко в степь и образуют большие массивы, перемежающиеся с участками степи, находящимися на возвышенностях. В пределах Восточноевропейской равнины таких мест не так уж много и они существенно разнятся между собой по размерам и значению для истории. Небольшим резервуаром такого типа являются верхнее течение Южного Буга, несколько более крупным верхние и средние течения Северского Донца, Дона и Днестра. Но наибольшее значение для истории всей Восточной Европы имел среднеднепровский лесостепной резервуар. Он расположен на правом берегу Днепра и включает в себя лесные массивы в верховьях

Ингульца, бассейнов Тясмина и Роси и далее на север вплоть до лесной зоны.

Следует отметить, что на территории Восточной Европы есть резервуар существенно больше среднеднепровского. Это вышеупомянутый средневолжский резервуар. Однако, в соответствии со вторым законом резервуара, не средневолжский, а именно среднеднепровский резервуар наполнялся раньше и выходцы именно из этого резервуара заселили большую часть территории зоны лесов.

В течение периода активных миграций, тогда когда население уже перешло к производящему хозяйству, но еще не перешло к трехполью, лесостепь имела самую высокую критическую плотность населения. Именно в пределах лесостепи на участках степной растительности травяной покров был самым лучшим, так как здесь осадков выпадает больше, чем южнее, то есть в степи. Но важнее всего, что в лесостепи возможностей для подсечного земледелия было даже больше, чем в лесной зоне. Дело в том, что в лесной зоне подсека возможна только на берегах рек, так как в глубине леса слишком велика затененность и переувлажненность. Данные о том, что это было именно так, имеются для севера России [Бергштрассер, с.43; Засодимский, с.7; Шахов, с.30], для Украинского Полесья [Левитский, с.12; Фогель, с.219], для тропиков [Bartlett, p.801] и для Америки [Hartman, p.118]. В лесостепи же подсека возможна на участках отдельно стоящего леса, что исключает затененность и переувлажненность, ведь лесостепь переизбытком влаги не отличается. Кроме того, тут преобладают оподзоленные черноземы, а главной лесообразующей породой тут является дуб [Атлас почв Украинской ССР, с.10]. Широколиственные леса, особенно дубовые, считаются самым выгодными для выжига. С учетом этих факторов становится очевидным, что подсечное земледелие именно в условиях лесостепи должно было давать рекордные урожаи – в два раза больше чем в зоне лесов,

при том что участок использовали в 2-3 раза дольше, до 8 лет [Gwagnini, s.215-216]. Кроме того, следует учитывать, что и этнографические данные и письменные источники свидетельствуют о значительной роли желудей в питании населения. Желуди были также прекрасным кормом для свиней, которых пасли в дубовых лесах. Основные же массивы дуба в Восточной Европе находятся в лесостепи.

Таким образом, несмотря на то, что, как это отмечалось выше, в Центральной и Восточной Европе нет изолированных природных резервуаров, благоприятные природные условия создают резервуары, отличающиеся большей критической плотностью. Такие резервуары по размерам относительно невелики, так как особо благоприятные природные условия уже по определению не могут охватывать очень большие площади. Кроме лесостепных резервуаров на границе леса и степи следует отметить также Волынский резервуар. Его особенностью является то, что он расположен в глубине лесной зоны среди Полесья, уникального района для всей Восточной и Центральной Европы. Заболоченных земель в Европе немало, но такого массива переувлажненных земель как Полесье, больше нет нигде. Площадь Полесья составляет примерно 100 тыс. кв. км. Название Полесье лингвисты объясняют не производным от славянского «лес», а от балтийского *palios* – литовское «топь», «большое болото» [Катанова, с.99]. Собственно Полесье – это главным образом бассейн Припяти, который представляет из себя гигантскую котловину, имеющую слабое понижение на восток. Вся эта котловина плохо дренирована, что обусловлено близким залеганием плотных, слабодренирующих горных пород, на западе – мела и мергелей мелового возраста, в центре – кристаллических пород. Над плотными породами залегают в основном пески и супеси, отложенные тальми водами древнего ледника. Среднегодовое количество осадков невелико – 550-700 мм,

но испаряемость мала – 400-450 мм. При таком водном балансе и плохой дренированности, неизбежным является почти повсеместное высокое стояние грунтовых вод, вследствие чего тут переувлажнены и заболочены значительные территории. Еще в XIX в. для того, чтобы добраться до соседнего населенного пункта, расположенного по прямой в 3–4 км, нужно было проехать 20 и более километров, объезжая болота [Военно-статистическое описание Волынской губернии, с.14-15].

Более 10% всей площади Полесья занимают торфяники и торфяно-болотные почвы, остальные почвы представлены в основном песчаными, подзолистыми почвами, которые бедны питательными веществами, содержат незначительное количество гумуса. Для роста зерновых серьезным препятствием служит даже не бедность почв, а их переувлажненность. Зерновые, которые являются растениями степей, за исключением риса и, в гораздо меньшей степени, овса, очень плохо переносят избыточную влагу. Вот, например, что пишет современник о выращивании зерновых на Полесье в XIX в. «Часто озимые посевы очень хороши, но весенние воды, не имея стока, долго застаиваются на полях и уничтожают все труды хозяина» [Левитский, с.12]. На этом фоне выделяются возвышенные участки территории, на которых в условиях достаточного дренажа сформировались пятна лесовидных карбонатных суглинков. Эти почвы отличаются более высоким плодородием, чем окружающие их песчаные дерново-подзолистые. Наибольший массив таких почв в Полесье находится на Волынской возвышенности, хотя есть и другие, значительно меньшие районы, например Словечанско-Овручский кряж.

Собственно Волынь расположена в пределах Полесья, но представляет из себя возвышенность, протянувшуюся с запада на восток примерно на 220 км, при ширине около 50 км. С юга ее ограничивает Малое Полесье, так же переувлажненное, как и

Большое. В условиях хорошего дренажа на Волынской возвышенности сформировались лесостепная растительность на серых и светло-серых оподзоленных почвах (на западе и востоке) и оподзоленных черноземах в центре. Таким образом, Волынская возвышенность – это своего рода лесостепной остров, окруженный со всех сторон Полесьем с его переувлажненными и бедными почвами, непригодными для выращивания зерновых. Это природный резервуар, небольшой для Восточной Европы, который должен был, согласно второму закону резервуара, наполняться быстрее, чем прилегающие к Полесью районы лесной и лесостепной зоны. Такие резервуары в условиях Центральной и Восточной Европы были центрами миграций, которые распространяли на прилегающие территории культурно-этнические влияния. То есть эти резервуары в течение периода активных миграций были долгосрочными донорами миграций, а прочие территории – реципиентами миграций. Поскольку в резервуарах - донорах критический коэффициент был, как правило, больше, тут была несколько выше и интенсификация землепользования. Миграции из резервуаров - доноров могли распространять, таким образом, также навыки более интенсивного землепользования.

Итак, в течение периода активных миграций, то есть до распространения трехполья, что произошло в Восточной Европе не ранее VIII - IX вв., основным видом земледелия было подсечное земледелие. По определению оно связано с лесами. В настоящее время почти все леса в лесостепи вырублены, а в лесной зоне они остались главным образом на неудобьях. Однако там, где когда-то росли леса, остались лесные почвы. Поселения археологических культур в лесостепи группируются в основном там, где когда-то росли леса, в то время как на степных почвах поселений практически нет. Важно, что поселений нет и там, где среди лесов на территориях с

хорошим дренажем сформировались большие массивы степных черноземов. Такие массивы, например, расположены на Подольской возвышенности и на Киевском плато, это так называемое Перепетово поле древнерусских летописей. То, что эти черноземные районы находились далеко за большими, густо заселенными в древности лесными массивами, делает невозможным предположение, что лесостепное население селилось в пределах лесов, чтобы таким образом защищаться от кочевников. Далее, то, что поселения разных культур, разделенные столетиями и даже тысячелетием, группировались на определенных территориях, разумеется, не случайно. Концентрация населения в лесных районах лесостепи и на границе леса свидетельствует, что оно практиковало подсечное земледелие, а степные участки использовало для пастбищного скотоводства.

Особенно много поселений было в бассейне Тясмина и верховьях Ингульца, в зоне сплошного леса. Почти без перерыва этот сгусток поселений продолжается выше по Днепру – в бассейне Роси и прибрежной полосе Днепра до впадения в него Десны. В древности эта двадцатипятикилометровая полоса вдоль Днепра была занята сплошным лесом. Очень много поселений в среднем течении Южного Буга. Еще больше их в среднем течении Днестра и прилегающем верхнем течении Прута. Довольно густо в древности были заселены верхние течения правых притоков Припяти, а вот среднее их течение было заселено слабо. Это объясняется тем, что именно тут находятся наиболее заболоченные земли Полесья, которые мало годятся для выращивания зерновых. Плотнее всего в Полесье была заселена Волынская возвышенность с ее плодородными оподзоленными черноземами.

Левобережье в древности было заселено намного слабее, чем Правобережье. Поселения тут также сосредоточены, главным образом, в районах лесных почв,

которых здесь намного меньше, чем на Правобережье, так как чем дальше на восток, тем сильнее континентальность климата. Наибольшие скопления поселений находятся в пределах крупного лесного массива в верхнем течении Северского Донца. Довольно много поселений по среднему течению Ворсклы, особенно на ее правобережье, там, где в древности был расположен большой лесной массив. Имеются также скопления поселений в среднем и верхнем течении Псла и Сулы, где в древности были лесные массивы. Значительно больше поселений на Левобережье находилось по Сейму и севернее него по Десне, то есть там, где начинается уже лесная зона.

Существуют и другие факты, подтверждающие то, что в рассматриваемый период население практиковало подсечное земледелие. Практически все поселения этого времени, были небольшими по размерам и недолговременными. Подсечное земледелие может обеспечить критическую плотность населения на порядок ниже той, которую обеспечивает трехполье. Поэтому население все это время было очень редким и поселения маленькими. Кроме того, при подсечном земледелии участки, пригодные для выжиги, расположены далеко друг от друга, а времени для восстановления леса на них нужно не менее 30 лет. Поэтому, когда население использовало все пригодные участки в данной местности, оно должно было переселяться в новый район, так как путь к участкам становился слишком длинным. Именно действие этих факторов и создавало наблюдаемую картину расселения.

В степи поселения сосредоточены в долинах крупных рек, особенно Днепра. В открытой степи поселений нет. Как уже отмечалось выше, в степи было возможно пойменное земледелие в поймах рек, кроме того, тут были прекрасные возможности для рыбной ловли.

3. Лингвистика и археология.

Название этой книги вынужденно неточное. Оно скорее дань традиции, так как происхождение славян науке известно давно. Языки славянской группы входят в индоевропейскую языковую семью, в которую также входят языки германской группы (английский, немецкий, голландский, шведский, норвежский, датский, исландский), языки романской группы (итальянский, французский, испанский, португальский, каталонский, румынский), языки иранской группы (иранский, курдский, таджикский, афганский и др.), языки индоарийской группы (хинди, бенгали и др.), языки кельтской группы (ирландский, уэльский, бретонский), языки балтийской группы (литовский и латышский) и изолированные языки (греческий, албанский, армянский). Эти языки объединены в одну семью, потому что все они происходят от одного индоевропейского языка, а объединение отдельных языков в группы означает, что они имеют своим предком соответствующий праязык (романские – так называемую народную латынь, германский – общегерманский, славянские – общеславянский и т.д.).

Кроме названных выше, в индоевропейскую семью входило много ныне вымерших языков. Разумеется, это не означает, что вымерли все носители того или иного языка. Обычно население переходило на новый язык, а прежний оказывался забытым. Как свидетельствуют данные этнографов, для первобытных народов язык был только средством общения и они очень легко переходили на новый язык, забывая свой родной. При ассимиляции одного языка другим победа всегда полная, то есть в победившем языке от языка побежденного могут остаться лексические заимствования, некоторые фонетические особенности и т.п., но в целом население полностью переходит на новую языковую систему. Именно поэтому все ныне существующие индоевропейские языки являются прямыми потомками индоевропейского праязыка.

В древности, когда народы не знали письменности, для ассимиляции нужен был непосредственный контакт носителей разных языков. Ассимиляция происходила в результате миграций, когда в данный резервуар прибывали мигранты извне. Кто кого в этом случае ассимилирует, зависит от многих факторов, среди которых главные – это соотношение численности населения противоборствующих сообществ, величины их критических коэффициентов и уровней их развития. Очевидно, что преимущество имеет та сторона, у которой эти факторы выше.

В течение периода активных миграций обычно миграции исходили из резервуаров-доноров. Как уже отмечалось выше, в этих резервуарах население накапливалось быстрее, критический коэффициент и уровень развития были несколько выше. Поэтому можно предположить, что мигранты имели критический коэффициент и уровень развития несколько выше, чем аборигены, а в численном отношении, по-видимому, преимущество имели аборигены. И все же преимуществ у мигрантов было больше. Если же имела место вторичная миграция, то уровень развития мигрантов мог быть несколько ниже, чем у оставшегося аборигенного населения, критический коэффициент несколько выше, а вот численное преимущество почти наверняка было на стороне мигрантов. Таким образом, в течение периода активных миграций, с большей долей вероятности можно утверждать, что в большинстве случаев каждая миграция вела к смене языка аборигенного населения. Эту закономерность можно назвать правилом последней миграции.

Чем выше уровень развития населения, тем меньше нужно мигрантов для перехода на новый язык. Например, если в обществе нет социальной стратификации, то число мигрантов должно быть сопоставимо с числом аборигенов. Но если уже возникла племенная аристократия, то переход на новый язык может произойти, если

мигранты сумели занять в обществе господствующее положение, хотя их может быть существенно меньше чем аборигенов. В обществах, где уровень развития достаточно высок для возникновения формализованной религии, ассимиляция может произойти, даже если мигранты составляют незначительный процент. Так было, например, во время арабских завоеваний. Арабы несли с собой ислам, и их язык становился языком новой религии, что способствовало ассимиляции арабами покоренных народов. В частности, население Египта ко времени арабского завоевания составляло несколько миллионов, в то время как арабов переселилось в Египет несколько тысяч, но египтяне перешли на арабский язык. Правда, процесс этот растянулся более чем на тысячелетие.

Отношения между разными языками далеко не всегда сводились к ассимиляции одного языка другим. Если при периферийных миграциях вследствие роста плотности населения границы соседних сообществ смыкались, и общение между представителями этих сообществ усиливалось, но миграций на территорию соседей не происходило, то могло возникнуть состояние языкового союза. Оно было обусловлено равновесием критических коэффициентов и масс населения в соседних резервуарах. В этом случае происходило сближение соседних языков, возникали совместные инновации и обмен лексикой, но ассимиляции могло и не произойти.

Наиболее естественным развитием языка, по мере увеличения числа его носителей и расселения их на все большей площади, было возникновение новых диалектов вследствие того, то расстояния препятствовали общению носителей языка, это так называемая модель языкового древа. Считается, что чем больше времени прошло после разделения родственных диалектов, тем сильнее они разнятся. На этой основе возник метод глоттохронологии, согласно

которому по степени отдаленности языков можно определить время их разделения.

Следует отметить, что хотя накопления различий в родственных языках несомненно происходят с течением времени, в разных обстоятельствах равные периоды времени могут иметь разное значение для развития языка. Например, если носители какого-то языка живут в резервуаре с низким критическим коэффициентом, то их уровень развития будет оставаться неизменным до тех пор, пока резервуар не заполнится. Все виды деятельности населения в течение этого времени будут меняться очень слабо, если вообще будут. Хозяйственная деятельность будет оставаться неизменной, типы жилищ, керамика, одежда будут меняться медленно и эволюционно. Изменения в языке также будут очень медленными. Однако как только резервуар заполнится, начнется ускоренное развитие экономики, интенсификация земледелия, возникнут новые социальные институты. Новые явления в жизни обязательно потребуют соответствующих названий и понятий. Рост экономической активности может повлечь за собой усиление или возникновение обмена с другими резервуарами, следовательно, усилятся языковые контакты с иноязычным населением. Кроме того, рост критического коэффициента может привести к попытке выйти за пределы резервуара, что также повлечет за собой контакты с иноязычным населением, следовательно, иноязычные заимствования. Таким образом, состояние населения, которое определяется высотой критического коэффициента, влияет и на скорость языковых инноваций.

Поскольку мы далее в той или иной степени будем говорить, кроме индоевропейских также о языках других языковых семей, приведем краткую справку о составе этих семей. Для нашего исследования важны сведения о языках Кавказа. В картвельскую языковую семью входят грузинский, мегрельский, лазский и сванский языки. Кроме того, на Кавказе

говорят на языках северовосточнокавказской и северозападнокавказской языковых семей. В первую входят языки Дагестана и нахские языки (чеченский, ингушский и бацбийский), во вторую адыгейский, кабардино-черкесский, абхазский и абазинский. Существует предположение, что северокавказские языки образуют макросемью, но это мнение оспаривается. Если даже западно - и восточноравнокавказские языки когда-то произошли от общего предка, то было это очень давно, так как разделение восточноравнокавказского праязыка на отдельные языки лингвисты относят к концу III тысячелетия до н. э. [Алексеев, с.156-165].

Уральская семья языков делится на две ветви: самодийская ветвь включает в себя ненецкий, энецкий, нганасанский и селькупский языки. Финно-угорская ветвь включает в себя следующие группы языков: прибалтийско-финская (финский, ижорский, карельский, людиковский, вепсский, водский, эстонский, ливский); саамская; мордовская (эрзянский и мокшанский); марийская; пермская (коми-зырянский, коми-пермяцкий, удмуртский); угорская (венгерский, мансийский, хантыйский). Марийский и мордовские языки иногда объединяют в волжскую группу. Достоверных заимствований из языков уральской семьи в общеславянском нет.

Афразийская (или семито-хамитская) макросемья имеет в своем составе шесть семей языков. Это берберо-ливийская (берберские языки Сахары), египетская (вымерший древнеегипетский язык), кушитская (языки Северо-востока Африки), омотская (языки юго-запада Эфиопии), чадская (распространены в районе оз. Чад и в Судане) и семитская (арабский, иврит, мальтийский, амхарский, тигре и др.).

В алтайскую семью входят три ветви: тюркская, монгольская и тунгусо-манчжурская. Кроме того, к алтайской семье некоторые лингвисты относят также японский и корейский языки в качестве

отдельных ветвей. Тюркская ветвь языков распалась относительно поздно, примерно на рубеже нашей эры на две подветви: болгарскую (чувашский и вымершие хазарский, болгарский) и собственно тюркскую, которая в свою очередь делится на западнотюркские языки (турецкий, азербайджанский, туркменский, караимский, крымскотатарский, татарский, башкирский, ногайский, киргизский, узбекский, казахский и вымершие языки – печенежский, половецкий) и восточнотюркские (хакасский, шорский, алтайские языки, тувинский, якутский).

Для нашего исследования большой интерес представляет распад индоевропейского языка, поскольку с выделением славянского и начинается собственно история славян. Как полагают лингвисты, ранее всего от единого индоевропейского языка отделились анатолийские языки (хетто-лувийские), в историческое время зафиксированные на территории Малой Азии. Произошло это не позднее IV тыс. до н.э. Через некоторое, лингвистически осязаемое время после этого, индоевропейский язык разделился на две общности, в одну из которых входили предки арийских (арийский – единый праязык из которого затем образовались нуристанские языки и индоиранский праязык, распад которого привел к формированию дардских, иранских и индоарийских языков), балтийских, славянских, германских языков, а также греческого и армянского. В другую общность входили предки италийских, кельтских и тохарских языков [Гамкрелидзе, Иванов, с.938] (тохарские языки – вымершие языки, существовавшие в восточной части Центральной Азии), а также вымершие илирийский, венетский и мессапский языки. Еще через некоторое время первая из этих общностей распалась и образовала две новые общности. В первую из таких общностей вошли праязыки арийцев, греков, армян [Гамкрелидзе, Иванов, с.415]. В эту же общность, вероятно, входили предки

впоследствии вымерших языков: фригийского, македонского и фракийского. Вторую языковую общность образовали будущие германский, балтийский и славянский языки [Гамкрелидзе, Иванов, с.415].

Следующим этапом стал распад языковых общностей и образование языков, которые уже фиксируются письменными памятниками. Такими памятниками являются глиняные таблички с надписями на микенском диалекте центральной подгруппы древнегреческого языка, которые ученые относят к середине II тыс. до н.э. Всего различают три подгруппы диалектов древнегреческого языка: кроме центральной также восточную и западную. Для такой дифференциации нужно время, поэтому лингвисты относят распад общегреческого языка к концу III- началу II тыс. до н.э. [Гамкрелидзе, Иванов, с.864].

Еще одним ранним памятником индоевропейских языков являются религиозные тексты иранцев «Авеста» и индоариев «Ригведа». Хотя иранские и индоарийские языки образуют разные группы, они довольно близки между собой, что заставляет предполагать довольно поздний раздел этих языков. Некоторые отрывки «Ригведы» находят прямые аналогии в текстах «Авесты», а языки этих памятников весьма близки между собой. Возникновение этих памятников лингвисты относят ко второй половине – концу II тыс. до н.э. [Gonda, p.20-23].

Следует отметить, что если анатолийские языки настолько сильно отличаются от других индоевропейских языков, что многие ученые долго сомневались в том, принадлежат ли они вообще к индоевропейской семье [Краузе, с.48], то такой разницы между остальными языками индоевропейской семьи не ощущается. Поэтому, скорее всего распад индоевропейской языковой общности, после выделения анатолийского, произошел лингвистически примерно одновременно для оставшихся в ней групп языков. Судя по

времени распада общегреческого языка, произошло это в III тыс. до н.э. Следовательно, именно в это время предки славян выделились из индоевропейской общности.

Первые письменные источники на славянских языках относятся лишь ко второй половине IX в. н.э. Как развивался славянский язык с III тыс. до н.э. до конца I тыс. н.э. мы знаем лишь на основании лингвистических реконструкций. Славянская группа языков состоит из трех подгрупп: западной (польский, кашубский, чешский, словацкий, верхне- и нижнелужицкие языки, вымерший полабский язык), южной (болгарский, сербохорватский, македонский, словенский языки) и восточной (русский, украинский и белорусский языки).

Разделение единого общеславянского языка произошло удивительно поздно – лишь в VII – VIII в. н.э. [Мейе, с.13]. До этого периода «...славянская область ... была поразительно однородной в лингвистическом отношении. Это можно объяснить лишь предположением того, что незадолго до этой даты (приблизительно до IV в. н.э.) славяне обитали на относительно небольшой территории, внутри которой связи и передвижения населения между различными племенами были частыми и легкими» [Stieber, p.108]. Вот еще одна цитата: «Несмотря на самые изощренные методы сравнительно-исторического языкознания, удается реконструировать не более 5 диалектных различий, не идущих глубже V в.» [Бирнбаум, с.454-455]. Именно потому, что распад общеславянского языка произошел относительно поздно, сейчас все славяне, хотя и с трудом, но могут понять друг друга.

Этот факт является просто поразительным. Славяне появляются на исторической арене как очень большой народ – и вместе с тем незадолго до этого их было немного, и жили они на небольшой территории. Это тоже удивительно, потому, что небольшой народ в условиях Восточной

Европы просто не мог существовать длительное время, не подвергаясь ассимиляции. Подобные явления возможны лишь в условиях сильно пересеченной местности: в горах, на островах и т.п. Этот достойный внимания факт дает нам критерий бездиалектности, который с одной стороны должен помочь нам в интерпретации имеющихся фактов, а с другой стороны должен сам быть объяснен. Итак, выводы лингвистов позволяют нам предположить, что до IV в. н. э. славян было немного и занимали они маленькую территорию. Начиная с IV - V вв., территория, занимаемая славянами, увеличивается, но остается единой, так как именно в это время возникают первые диалектные различия. С VII в. славянская общность распадается, отдельные группы славян расселяются на большие территории и начинают формироваться языки.

Для целей нашего исследования также очень важны языковые контакты славянского языка, то есть заимствования в славянском из других языков и славянские заимствования в этих языках. Наиболее близки к славянским языки балтийской группы. Балтийская группа языков делится на две подгруппы - восточная (литовский, латышский и латгальский) и западная (вымершие прусский, ятвяжский, куршский и др.). Разница между этими группами настолько велика, что лингвисты даже высказывают сомнения, существовал ли единый балтийский язык: «славянский имеет ряд общих черт не со всеми известными балтийскими языками, а лишь с частью их, обычно либо с восточнобалтийскими либо с западнобалтийскими или же с одним из последних. Такая ситуация предполагает раннее распадение общепалтийского если постулировать однородного балтийского вообще реально» (Бирнбаум с.30). Впрочем, высказывалось предположение, что общепалтийский язык распался в конце II тыс. до н.э. [Мажюлис].

Балтийские языки и славянский язык имеют ряд важных общих черт: значительное число лексических единиц, характерных только для славянского и балтийских языков; двойственные и параллельные рефлексы, некоторые сильные сходства в акцентологии; некоторое сходство в грамматике и словообразовании [Бирнбаум, с.30-32]. В настоящее время известно свыше 1600 слов, которые являются общими для балтийских языков и общеславянского языка [Lehr-Splawinski, s.25]. Различия в лексике между балтийскими языками и славянским меньше, чем между немецким и норвежским, которые входят в одну языковую группу и это при том, что славянские и балтийские образуют разные языковые группы. Такой степени близости между разными языковыми группами в индоевропейской языковой семье больше нет. Было высказано даже мнение, что литовский язык может заменить неизвестный нам общеславянский язык [Георгиев, с.50]. Однако между лингвистами нет единодушия по поводу степени родства славянского и балтийских языков.

Некоторые лингвисты полагают, что существовал балто-славянский язык, который распался сравнительно недавно, не ранее середины I тыс. до н.э. Разделение языков произошло уже после появления железа, так как для этого металла в этих языках существует общее название. Железный век на территории Восточной Европы начался не одновременно, примерно с VIII по V в. до н.э., что и дает основания для датировки разделения языков.

Другие лингвисты считают, что единого балто-славянского языка не существовало, так как между этими языками нет переходных звеньев и их общие черты есть следствие очень длительных контактов [Филин, с.128; Трубачев 1991, с.17 и сл.], то есть языкового союза. Например, если для железа балты и славяне имеют общее название, то для такого важного металла как медь и сплавы из нее (бронза) в славянском

и балтийских существуют разные названия [Трубачев 1991, с.16]. Это свидетельствует в пользу того, что в ранний период своего существования эти языки развивались отдельно.

Необыкновенная близость славянских и балтийских языков требуют от нас уделить последним особое внимание. В первую очередь нас интересуют связи балтийских языков с другими языками. Наиболее тесные языковые связи у балтов были, как уже сказано, со славянами. На втором месте стоят контакты с финскими языками. Эти контакты были достаточно сильными и оставили следы, как в балтийских, так и в финских языках, причем особенно сильные в прибалтийско-финских. Древность заимствований подтверждается тем, что слова из балтийских языков попали в язык прибалтийских финнов тогда, когда прибалтийско-финские и волжско-финские языки были фонетически очень близки. Поскольку древние балтийские заимствования являются общими для всех прибалтийско-финских языков, можно заключить, что они были усвоены еще до распада прибалтийско-финского языка. Имеются также балтийские заимствования, хотя их и значительно меньше, в языках волжских финнов [Филин, с.130].

Кроме того, в балтийских языках обнаружены заимствования из иранских языков [Трубачев 1967, с.20]. К важнейшим иранским заимствованиям относят названия ячменя в литовском и латышском, хлеба, зерна и масла в литовском. [Топоров, Трубачев, с.231]. В целом иранские связи балтийских языков несравненно слабее, чем славянские или финские. Поистине удивительной является связь балтийских языков с языками Балкан. Эта связь особенно сильна с восточной, дако-фракийской частью Балкан. По подсчетам лингвистов существует 130 точно установленных балто-фракийских соответствий, в которых не участвовал никакой другой язык. При этом важно, что подобных связей фракийского со

славянским языком не обнаружено [Duridanov 1969, s.100; Топоров 1973, с.51-52; Топоров 1977, с.81]. Таким образом, притом, что мы очень мало знаем о фракийском языке, все же удается проследить его связь с балтийскими языками. Следовательно, эта связь была довольно глубокой.

Вторым по близости к общеславянскому является германский язык, однако не общегерманский, а какой-то из восточногерманских языков. Распад общегерманского языка лингвисты относят к периоду около 500 г. до н.э. В это время общегерманский разделился на подгруппу западногерманских языков, из которых потом образовались английский, немецкий, нидерландский, фризский и подгруппу северогерманских языков из которых потом образовались скандинавские языки. Примерно между 250 г. до н.э. и началом нашей эры от северогерманских отделились восточногерманские языки: бургундский, вандальский, герульский, гепидский, готский. Скорее всего, существовали и другие восточногерманские языки, о которых мы ничего не знаем. Все восточногерманские языки вымерли. От готского языка сохранились довольно большие тексты главным образом религиозного содержания, от остальных восточногерманских языков уцелели лишь отдельные надписи и имена в передаче античных авторов [Германские и кельтские языки, с.15-16].

В общеславянском языке существовало много заимствований из восточногерманских языков, причем эти заимствования относятся лингвистами к поздней истории общеславянского языка, о чем свидетельствуют как фонетические особенности, так и характер заимствованной лексики, несомненно, относящийся к довольно поздней культуре. Действительно, среди германских заимствований в общеславянском обнаружены слова князь, блюдо, хлеб, крест, покупать, котел, названия мелкой монеты и

др. Лингвисты полагают, что время этих заимствование не может быть ранее последних столетий I тыс. до н.э. – первых столетий н. э. [Филин, с.137]. Славянских заимствований в готском обнаружено всего два [Готский язык, с.75]. Однако одно из них – «плясать» имеет аналогии в балтийском и может быть заимствованием в готский из какого-то балтийского языка [Фасмер, с.544].

Еще одна языковая группа, из которой в общеславянском обнаружены заимствования, это иранская группа языков. В целом лингвисты отмечают, что «более или менее четких иранских компонентов в древнейших славянских лексических пластах на удивление мало» [Бирнбаум, с.160]. Если учесть, что на иранских языках говорило население степей от Днестра до Волги вплоть до VII в. н.э., то это действительно странно. Всего достоверных иранских заимствований в общеславянском не более 4-5 слов [Трубачев 1967, с.211-218]. При этом иранских заимствований много в отдельных группах славянских языков, особенно восточнославянских, или даже в отдельных языках. Такой характер заимствований, несомненно, предполагает, что они имели место тогда, когда различные группы славян уже территориально были отделены друг от друга. Если учесть, что выделение диалектов началось в IV – V вв. н.э., то логичным будет предположение, что иранские заимствования имели место как раз в это время, то есть тогда, когда славянская общность увеличилась в размерах, но еще оставалась единой. Имеются также данные о очень ранних связях славянского с италийскими языками и о возможных контактах славян с кельтами [Трубачев 1991, с.22 и сл.].

В начале книги я писал о том, что для ранних периодов развития мы располагаем только археологическими и лингвистическими данными. Это не совсем точно. Именно результаты работы археологов дают нам основной массив сведений по истории до появления письменных источников. Лингвистические материалы

лишь задают определенные критерии, в соответствии с которыми мы можем интерпретировать археологический материал.

Археологи находят вещественные остатки жизнедеятельности людей, которые систематизируются как археологические культуры. Иными словами археологическая культура – это обнаруживаемые археологическими исследованиями следы существования группы людей, имевшей сходную материальную и духовную культуру. Строго говоря, с точки зрения археологии, история – это процесс возникновения, развития и исчезновения различных культур.

Чем может быть сообщество, члены которого имеют одинаковую или почти одинаковую материальную и духовную культуру? Очевидно, что больше всего это определение подходит к этносу. Таким образом, этническая история является важнейшей проблемой археологии. Но кроме сходной материальной и духовной культуры, понятию этнос соответствует общность языка и национального самосознания, однако, по данному выше определению, письменных источников для изучаемого периода нет и сказать что-то определенное о языке населения мы не можем. В связи с этим неизбежно встает ряд вопросов: можно ли связывать некую археологическую культуру с каким-либо этносом и если можно, то какой характер носит эта связь? Проблема соответствия археологической культуры этносу ставилась неоднократно и разными учеными (см., например: Третьяков 1962; Монгайт; Каменецкий; Клейн; Филин, с.72), но совершенно очевидно, что однозначного ответа просто не может быть.

Если носители какого-то языка находились в незаполненном резервуаре, в который не было миграций извне, то их материальная и духовная культура менялась медленно и эволюционно. Изучая этот период, археологи могут предполагать, что язык населения оставался прежним. Но если

в данный резервуар произошла миграция населения другой археологической культуры, материальная и духовная культура, несомненно, изменятся. Наиболее типичной является следующая ситуация: существует некая культура А, рядом с которой расположена некая культура В. Затем культура А вдруг исчезает, а в ее ареале возникает новая культура С, содержащая отдельные элементы (керамика, погребальный обряд, тип жилища и т.п.) как культуры А, так и культуры В. Наиболее типичным и, смею утверждать, ошибочным подходом большинства археологов в таких случаях бывает попытка определить удельный вес элементов каждой из культур. На основании этих оценок, как правило, очень субъективных, делается вывод, что, например, если элементов культуры А сохранилось довольно много, то новая культура С сформировалась, главным образом на основании культуры А, что предполагает сохранение языка культуры А.

Однако, как отмечалось в методологическом разделе, сам факт миграции уже предполагает ассимиляцию аборигенов. Разумеется, категорически утверждать, что каждая миграция предполагает ассимиляцию, было бы крайне неосторожно. Тем более, что факт миграции далеко не всегда можно точно установить, иногда имело место культурное влияние. Но и в том случае, если миграция несомненна, очень важным является лингвистическое подтверждение, пусть даже косвенное, возможной ассимиляции.

С точки зрения обычного здравого смысла язык неотделим от определенного этноса, со специфической материальной и духовной культурой, антропологическим типом, менталитетом, уровнем развития и т.п. Однако это справедливо лишь в краткосрочной перспективе. И материальная и духовная культура меняется, в одни периоды времени медленно, в другие – быстро, уровень развития может вырасти. На тот или иной язык могут перейти совершенно разные

народы. Например, американские негры в языковом отношении являются ближайшими родственниками немцев и голландцев. Поэтому в долгосрочной перспективе нет истории этносов, а есть история языков.

Как свидетельствуют факты, смена языка может происходить даже без смены культур. Например, ни у кого нет сомнений в ассимиляции славянами населения многих районов Балканского полуострова. Однако при этом далеко не везде в этих районах появление славян фиксируется археологически и это при том, что период расселения славян с археологической точки зрения происходил если не вчера, то позавчера. Что же говорить о событиях, скажем, III – II тыс. до н.э.! Даже если были археологические памятники, свидетельствующие о миграции, в результате которой возникла новая культура, они могли погибнуть или просто не были обнаружены. В этой ситуации предлагаемая методика может быть полезной, так как она предполагает, что миграции не случайны, а подчиняются определенным закономерностям, о которых речь шла выше. Теперь нам остается лишь попытаться применить предлагаемую методику к конкретному историческому материалу.

4. Ранняя история индоевропейцев.

Поскольку славяне по происхождению индоевропейцы, то начать наше исследование нам придется с ранней истории индоевропейцев. Мы должны попытаться выяснить, разумеется, насколько это вообще возможно, когда и где будущие славяне отделились от индоевропейской общности. Без этого наше исследование не будет иметь начала. Следует сказать, что по вопросу происхождения индоевропейцев написано значительно больше, чем по проблеме происхождения славян и единого мнения нет.

Археологические данные свидетельствуют, что до VII тыс. до н.э. Европу заселяли охотники и собиратели. Но

с VII тыс. до н.э. в Европе, а точнее на Балканах начинают расселяться племена земледельцев и скотоводов, вследствие чего тут возникла культура Старчево – Кереш – Криш, распространившаяся на части территорий Греции, Болгарии, Сербии, Хорватии, Венгрии и Румынии [Jakovljevic, p.108-119; Dimitrijevic, p.229-360]. В результате дальнейшего расселения носителей этой культуры возникает культура линейно-ленточной керамики, охватившая огромные территории: от Мааса (на западе) до Днестра (на востоке), от междуречья Савы и Дравы (на юге) до Одера (на севере). Это расселение очень хорошо фиксируется археологически, потому что аборигены Европы были охотниками и собирателями и их культуры резко отличались от культур пришлых земледельцев и скотоводов.

Несколько позднее появления в Европе первых скотоводов и земледельцев, в начале VI тыс. до н.э., на востоке Адриатики возникает культура импрессо. Название происходит от обычая отпечатывать на керамике раковины моллюсков, особенно сердцевидки. К морю они предположительно вышли из Фессалии, где тоже найдена керамика с отпечатками раковин (культура пре-Сескло). Носители этой культуры практиковали скотоводство и земледелие, но специализировались на добыче морепродуктов. Такая специализация у них возникла потому, что Балканы были уже заняты носителями культуры Старчево – Кереш – Криш. Поэтому культура импрессо распространялась вдоль побережья Средиземного моря, проникла на юг Италии, а затем она продвинулась на ее север в Лаций, Тоскану, Корсику и Сардинию, вплоть до Лигурии. В V тыс. до н.э. культура импрессо начала распространяться на юге Франции, проникнув по течению Роны далеко на север. В это же время носители этой культуры начали расселяться на востоке Испании.

Падение критического коэффициента на Балканах позволило переселиться сюда новым мигрантам из Малой Азии. Поэтому

с конца VI – начала V тыс. до н.э. на Балканах возникает ряд новых культур: Сескло в Греции, Караново II в Болгарии и Винча на территории Сербии, Венгрии, Румынии и Болгарии. В результате дальнейших миграций носителей этих культур возникают новые культуры, такие как Гумельница, Лендел и Кукутени – Триполье. Все эти культуры имели много общего, что свидетельствует об их генетическом родстве, поэтому археологи объединяют их в культурно-историческую общность, которую М. Гимбутас назвала «цивилизацией старой Европы» [Gimbutas 1991]. Как считают большинство исследователей, возникновение этой общности было результатом миграций из Малой Азии. Об этом свидетельствуют знаки переднеазиатского происхождения [Титов], металлургия меди, развивавшаяся под малоазийским влиянием [Рындина], а также особенности культуры и письменности [Gimbutas 1974, Vimbaum 1974].

Следовательно, первые скотоводы и земледельцы пришли в Европу из Малой Азии (Анатолии). С севера и юга этого полуострова вдоль моря тянутся горные цепи. Гористым является также западная оконечность Малой Азии. Склоны гор, обращенные к морю, занимает пояс вечнозеленой средиземноморской растительности. В центре полуострова находится полупустынный (а местами – пустынный) район, с несколькими солеными озерами, наибольшим из которых является озеро Туз. Таким образом, центральная часть Малой Азии обладает наименьшей емкостью. Но именно здесь возникла культура Чатал-Гююка - одна из древнейших мировых земледельческих культур, которую археологи датируют второй половиной VII – первой половиной VI тыс. до н.э. [Melaart, p.217]. Население занималось пастбищным скотоводством и, вероятно, пойменным земледелием в долинах небольших рек, текущих с гор в соленые озера. Природно-климатические условия этой местности обусловили очень низкую критическую

плотность. Именно поэтому, в соответствии со вторым законом резервуара, тут так рано возникло земледелие. Однако эта же причина привела к тому, что резервуары тут относительно быстро наполнились и население в середине VI тыс. до н. э. покинуло эти места. Куда были направлены миграции нам уже известно – в Европу на Балканы. Археологами собрано множество фактов, свидетельствующих о том, что элементы культуры Чатал – Гуюка находят параллели в культурах балканской культурно-исторической общности.

Представляется очевидным, что расселение культур Карпато-Дунайской общности и было расселением индоевропейцев. Такой точки зрения придерживаются сторонники так называемой анатолийской гипотезы, которую предложил английский археолог Колин Ренфрю. Согласно этой гипотезе, население культуры Чатал-Гуюка говорило на индоевропейском языке. Примерно в 6500-х гг. до н.э. началось движение индоевропейцев на запад, в Европу. Часть индоевропейцев осталась в Малой Азии, и дала начало анатолийским языкам. На основе археологических данных делается вывод, что около 5000 г. до н.э. пришедшие в Европу индоевропейцы разделились на северо-западных (предков италиков, кельтов и германцев) поселившихся в бассейне Дуная, восточных, переселившихся в украинские степи (предков тохар) и всех остальных, оставшихся на Балканах. Около 3000 г. балканская группа индоевропейцев начала расселяться и образовывать протоязыки греков, армян, балто-славян, индоиранцев. Последние образовали степные культуры и начали расселяться далее на восток по евразийским степям [Renfrew 2003].

С археологической точки зрения анатолийская гипотеза очень вероятна. Но есть весьма убедительные возражения с точки зрения лингвистики. Во-первых, распад индоевропейского языка, после отделения анатолийских языков произошел

не так, как следует из анатолийской гипотезы: в группы входили другие языки; распад на отдельные языки произошел в лингвистически близкое время. Далее, археологические данные свидетельствуют о крупных миграциях из степи, а не в степь. Важными являются также связи индоевропейского с другими языками.

Лингвистам удалось реконструировать индоевропейский праязык и выяснить, что в нем было довольно много заимствований из общесемитского, а в общекартвельском есть заимствования из индоевропейского [Гамкрелидзе, Иванов, с.870 и сл.]. Кроме того обнаружены связи индоевропейского и северокавказских языков [Старостин 1988]. У лингвистов нет сомнения, что общесемитский существовал и позднее распался на Ближнем Востоке, распад его произошел не ранее IV тыс. до н. э. [Гамкрелидзе, Иванов, с.880]. В принципе, возможно, что индоевропейский язык, когда он находился в Малой Азии, мог контактировать с прасемитским, но совершенно непонятны его связи с языками Кавказа.

Другой гипотезой, объясняющей расселение индоевропейцев, является так называемая курганная гипотеза. Она предлагалась и дорабатывалась разными учеными, но наибольшую известность получила версия Марии Гимбутас [Gimbutas, Dexter, Jones-Bley]. Согласно ей, в первой половине IV тыс. до н.э. носители индоевропейского языка жили где-то в средневожской лесостепи, а затем расселились в степях между Волгой и Днестром. Примерно во второй половине IV тыс. до н.э. индоевропейцы заняли район нижнего Днестра, где создали среднестоговскую культуру (одна из первых степных культур). Чуть позже этого периода начинается первая волна проникновения индоевропейцев в лесную зону Европы, где они создают смешанные культуры: баденскую, Эзеро и др. Характерной чертой, свидетельствующей о миграциях из степи, являются погребальный обряд (захоронение

под курганом и посыпание охрой) и керамика со шнуровым орнаментом (отпечатком шнура). В самом начале III тыс. до н.э. в степи возникает индоевропейская ямная культура, проникновение носителей которой далее в Европу знаменует вторую волну расселения индоевропейцев на Запад.

Гипотеза Гимбутас намного лучше объясняет археологические и лингвистические факты, чем анатолийская гипотеза. Она, например, объясняет известную из археологии экспансию степных племен в лесную зону Европы. Но при этом она не согласуется с некоторыми установленными лингвистами фактами, важнейшим из которых являются взаимные семито-индоевропейские заимствования. С целью устранения этих противоречий Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванов предложили так называемую армянскую гипотезу. Согласно ей, первоначально индоевропейский язык бытовал в районе Армянского нагорья, то есть южнее Кавказа, но севернее Месопотамии. Примерно в IV тыс. до н.э. от индоевропейской общности отделились и ушли на запад анатолийские языки. Значительно позднее, примерно в III тыс. до н.э., началось разделение других индоевропейских языков. Греки мигрировали на запад и, в конечном счете, пришли в Грецию, тохары на восток и достигли Таримской впадины, где их языки просуществовали до VIII в. н.э. Все остальные индоевропейские диалекты, за исключением протоармянского, обошли Каспийское море и на территории евразийской степи создали ямную культуру, дальнейшее расселение носителей которой произошло примерно так, как предполагала Гимбутас. Армяне же остались где-то вблизи прародины и впоследствии поселились на Армянском нагорье [Гамкрелидзе, Иванов].

Таким образом, реконструкция Гамкрелидзе и Иванова в своем начальном пункте близка к анатолийской гипотезе, то есть раннее местонахождение индоевропейских языков обе эти гипотезы

помещают на Ближнем Востоке, где-то в районе Армянского нагорья. Однако пути расселения индоевропейцев обе эти гипотезы предполагают совершенно разные.

Следует отметить, что армянская гипотеза противоречит некоторым фактам, установленным самими Гамкрелидзе и Ивановым. По их версии распад индоевропейского уже после отделения анатолийских, произошел не одновременно, то есть отделились греческий, армянский, тохарский и возможно индоиранские, а остальные языки существовали некоторое значительное время вместе, объединенные ямной культурой. В то же время их лингвистическая реконструкция предполагает первоначальный распад на группы, о которых речь шла выше, и эти группы совсем не совпадают с теми, которые предполагает их версия расселения индоевропейцев. Далее, реконструкция Гимбутас расселения индоевропейцев, с которой Гамкрелидзе и Иванов, по-видимому, согласны, предполагает две волны миграций в лесную зону Европы с интервалом примерно в 1000 лет. Это значит, что распад индоевропейского был не одновременным. Если же считать, что первая волна означала отделение анатолийских языков, как полагают некоторые приверженцы этой гипотезы, то это противоречит выводам самих Гамкрелидзе и Иванова о приходе анатолийцев в Малую Азию с Армянского нагорья.

И, наконец, существует проблема общеиндоевропейских названий животных и деревьев, среди которых есть такие, как осина, береза, сосна, граб, ясень, бук, слон (или верблюд), барс, лев, бобер и тетерев. Упомянутые деревья не растут в степях восточнее Волги и даже Дона, и южнее Кавказских гор, за исключением узкой полосы южного побережья Черного и Каспийского морей, что исключает из зоны поиска прародины индоевропейцев Переднюю Азию с Армянским нагорьем и евразийские степи восточнее Дона. Что

касается названий животных, то слон или верблюд (не известно точно, какое из этих животных обозначало соответствующее слово) животные южные. Слоны в древности известны в Сирии [Підопличко, с.26], а верблюды в степных и полупустынных районах Азии, но данных об их пребывании западнее Волги у нас нет. Лев и барс также южные жители. Львы когда-то жили на Балканах, на территории Греции, Албании, Болгарии и Македонии и на Кавказе. Основной же ареал их обитания располагался южнее. Барсы (леопарды) живут и сегодня на Северном Кавказе и Малой Азии. В евразийских степях они не жили никогда, а достоверных данных об их обитании в Европе нет.

Бобры, судя по соответствующим текстам из Авесты, были для древних иранцев священными животными. Вместе с тем ареал обитания бобров ограничен зоной широколиственных лесов, хотя в степь они проникали довольно глубоко вдоль течения крупных рек, где когда-то росли пойменные леса. Кости бобров находят вплоть до «Черного моря, Кавказского перешейка, среднего течения рек Урал, Эмба и степного Иртыша» [Верещагин, с.345]. Имеются указания ряда авторов о существовании бобров в Турции и Иране [Верещагин, с.79]. Вероятно, тут бобры могли жить на южном побережье Черного и Каспийского морей, где обильные осадки способствовали сохранению лесов. Однако очевидно, что бобры были очень нетипичными животными для зоны степи и тем более расположенных южнее районов. Еще более нетипичным животным для юга был тетерев. Эта птица живет в лиственных и смешанных лесах, и южная граница его распространения проходит по краю лесостепи, примерно так же, как и бобра.

Таким образом, при том, что лингвистические данные о связях с общесемитским языком указывают на раннее пребывание индоевропейцев где-то в Передней Азии, общеиндоевропейские названия животных и деревьев с одной

стороны указывают на север (бобер, тетерев), а с другой на юг (лев, барс, верблюд). Однако есть район, который позволяет объединить эти, казалось бы, противоречивые данные. Это район Кавказа. Действительно, на Кавказе растут все деревья, о которых речь шла выше. Тут есть осина [Соколов, Связева, Кубли 1977, с.85], береза [БСЭ, т.3, 1970, с.220], сосна [Соколов, Связева, Кубли, с.25-33, карты 8-10], граб [Соколов, Связева, Кубли, с.107-110], ясень [Соколов, Связева, Кубли 1986, с.121-124, карты 69-71], бук [Деревья и кустарники, т.II, с.400]. На Кавказе живут барсы и до X века в Закавказье жили львы [Гептнер, Слудской, с.166]. Бобры также жили в Закавказье еще в Средние века [Хорнаули, с.28], а тетерев, точнее, эндемичный вид, тетерев кавказский, живет и до сих пор в горных районах [География животных, с.319]. Вместе с тем южнее Закавказья находится обширная зона Передней Азии, где возможны были контакты с общесемитским языком и где живут верблюды, а южнее, как отмечалось выше, в древности жили слоны.

Кавказ соединяет Переднюю Азию и пояс великих евразийских степей, где существовала ямная культура, о миграциях носителей которой в лесную зону Европы речь шла выше. Кроме того, Кавказ – местонахождение картвельских и северокавказских языков, которые имели контакты с индоевропейским. Предположение о том, что Кавказ был один из районов местожительства индоевропейцев, позволяет нам лучше понять их древнюю историю.

У нас нет оснований сомневаться в том, что носители индоевропейского языка в период до начала VI тыс. до н.э. жили где-то на севере Передней Азии. Тут у них были контакты с носителями общесемитского языка. Позднее они переместились севернее и примерно в V тыс. до н.э. от них отделился анатолийский праязык, возникновение которого лингвисты относят к периоду не позднее IV тыс. до н.э. [Гамкрелидзе, Иванов, с.861]. Следовательно, отделение

анатолийского праязыка по времени следует за масштабными миграциями из Малой Азии в Европу, о которых речь шла выше. Переселение значительных масс населения привели к падению критического коэффициента в Малой Азии и к миграциям сюда населения с востока. Вероятно, именно потому произошло отделение анатолийского языка. Основная же масса индоевропейцев, по-видимому, двинулась в Закавказье.

Отношения индоевропейского языка с языками Кавказа, картвельским и северокавказским указывают на характер миграций носителей этих языков. С.А.Старостин считал, что «праиндоевропейская языковая общность наложилась на некоторый диалект прасеверокавказского языка», причем «мы можем датировать контакты между праиндоевропейским и прасеверокавказским языками началом V тысячелетия до н.э.» [Старостин 1988, с.154]. По мнению Старостина, имела место ассимиляция индоевропейцами некоего местного северокавказского языкового субстрата. От этого населения индоевропейцы позаимствовали большое количество слов, связанных с животноводством и земледелием, с торговлей и обменом, названиями предметов быта, продуктов питания, некоторых диких растений и животных [Старостин 1988, с.152-153]. Контакты индоевропейского с картвельским имели прямо противоположный характер. Тут уже индоевропейский выступал как язык местного населения (субстрат) от которого пришлые носители картвельского языка позаимствовали целый ряд слов, в то время как о картвельских заимствованиях в индоевропейский сведений нет [Гамкрелидзе, Иванов, с.870 и сл.].

Очевидно, что носители картвельского языка пришли в Закавказье, когда основная масса индоевропейского населения его покинула и картвелы восприняли от оставшегося населения часть лексики. С другой стороны, можно со значительной

степенью достоверности утверждать, что носители по крайней мере северовосточнокавказского пришли на Кавказ тогда, когда индоевропейцы его покинули, поскольку многие ученые связывают с северовосточнокавказским языком Куро-Аракскую культуру IV – начала III тыс. до н.э. Именно к этому времени лингвисты относят распад единого северовосточнокавказского языка. Известно, что на северовосточнокавказских языках говорило население не только востока Северного Кавказа, но и Азербайджана, где эти языки сохранились вплоть до X в. н.э.

Таким образом, можно высказать предположение, что западносеверокавказский язык распространился на Кавказе до прихода сюда индоевропейцев и первым вышел в степь. Вследствие этого критический коэффициент на Кавказе упал, что дало возможность прийти сюда индоевропейцам. Затем, вследствие миграций поселившихся в степи носителей западносеверокавказского языка на запад (см. ниже), в степь начали переселяться индоевропейцы, а на их место пришли в западную часть Закавказья картвелы, а в восточную – носители северовосточнокавказского языка, заселившие сперва территорию Азербайджана, а позднее, вслед за индоевропейцами проникшие и на восток Северного Кавказа.

Следовательно, носители среднестоговской культуры должны были бы говорить на северозападнокавказском языке. Памятники среднестоговской культуры, которую датируют 4500-3500 гг. до н.э. найдены на Нижнем Днепре и Нижнем и Среднем Дону. В предгорьях Кавказа, в районе Нальчика и в лесостепи на Средней Волге (Средневожский резервуар) найдены памятники Хвалынской культуры V – IV тыс. до н.э. Памятники этих культур близки между собой и объединяются многими исследователями в одну культурно-историческую общность. Часть населения

этой общности сохранилась в горах западного Кавказа и образовала Майкопскую культуру, современницу ямной культуры.

Распространение скотоводов в евразийских степях стало возможным благодаря тому, что ранее этот район был практически незаселенным. Археологи находят следы очень малочисленных групп охотников и собирателей, которые жили в долинах крупных рек [Мерперт 1974, с.17]. Действительно, пешим охотникам и собирателям нечего было делать в открытой степи. Главной дичью в степи были копытные, а догнать их пешком невозможно, особенно зимой. Освоение степей стало возможным главным образом благодаря овцеводству. Овцы – наиболее приспособленные животные для степного и полупустынного регионов. Они могут сами добывать себе корм из-под снега. Еще одной важной отраслью хозяйства степных культур было разведение лошадей. Например, кости лошади составляют более половины всех костей, найденных на поселениях среднестоговской культуры. Некоторые исследователи считают, что именно население этой культуры первым приручило лошадь [Археология УССР, т.1, с.309]. Лошадь наряду с овцой не требует заготовки сена на зиму, поскольку может сама добывать траву из-под снега.

Пока нет фактов, позволяющих установить, из какого района начала распространяться среднестоговско-хвалынская культурная общность, но очевидно, что возникнуть на такой большой территории она не могла. Из трех известных ее центров только два могут претендовать на район первоначального возникновения. Это Северный Кавказ и Северное Причерноморье, потому что, как считают исследователи, domestикация овцы произошла в степных и полупустынных районах Передней Азии [Flannery]. Поэтому либо расселение по степи началось с Балкан или из прилегающих к ним районов, куда овцеводство проникло из Малой Азии, либо

с Кавказа, куда овцеводство пришло с юга, т.е. непосредственно из Передней Азии. Более вероятным представляется все же Кавказ, поскольку северокавказская Свободненская культура (4400-3700), которая предшествовала Майкопской, несомненно, была связана со среднестоговской культурой.

Маловероятно, чтобы среднестоговско-хвалынская культурная общность была индоевропейской. Она опережает ямную почти на 1500 лет, и, поскольку распад индоевропейского начался сразу же, как только его носители начали расселяться по степи, то такая версия удревяет на соответствующий срок все индоевропейские языки, что не соответствует выводам лингвистов. Кроме того, в этом случае непонятны отношения среднестоговско-хвалынской и ямной культурных общностей. Если первая была общеиндоевропейской, то чем была вторая? Очевидно, что ее могли образовать носители либо какой-то группы индоевропейских языков, например арийской, либо вообще неиндоевропейский язык. В таком случае, где лингвистические следы археологически очевидного расселения носителей ямной культуры в Европе? О них ничего неизвестно. Поэтому логичным является предположение, что среднестоговско-хвалынская культурная общность предшествовала индоевропейцам в степи. А учитывая взаимоотношения индоевропейского и северокавказского языка, можно предположить, что языком этой общности был северозападнокавказский.

Впрочем, история среднестоговско-хвалынской культурной общности не является непосредственно предметом нашего исследования. Она представляет для нас интерес лишь постольку, поскольку предшествовала в степи ямной культуре и, несомненно, оказала на нее значительное влияние. Многое еще остается неясным и пока нам остается надеяться, что будущие археологические исследования на Кавказе помогут понять исторические процессы, происходившие тут в VI – III тыс. до н.э.

Дальнейшее развитие индоевропейцев историки связывают с ямной культурой. Такая связь обусловлена тем, что последующие, несомненно, индоевропейские культуры, в первую очередь культура шнуровой керамики, имеют связь с ямной культурой и содержат многие ее компоненты. Памятники ямной культуры найдены на огромной территории евразийских степей: от р. Прут на западе до р. Эмба на востоке (см. рисунок 1). Важно, что «...наиболее ранние хронологические группы ...большинства вариантов древнеямной культурно-исторической области идентичны и свидетельствуют о культурной интеграции, тогда как более поздние все заметнее расходятся между собой и свидетельствуют о культурной дифференциации» [Мерперт 1974, с.114]. Идентичность ранних памятников ямной культуры доказывает, что ее распространение происходило из одного центра, а расхождение более поздних памятников свидетельствует о распаде индоевропейского языка.

Наиболее ранний этап ямной культуры исследователи датируют концом IV – первой половиной III тыс. до н.э., причем наиболее ранние памятники обнаружены в Поволжье. «Основной территорией формирования и распространения первой волны (дремнеямных племен – А.А.) являлись Волжско-Уральское междуречье и прилегающие к нему с запада и юго-запада степи Подонья и Предкавказья» [Мерперт 1974, с.147-148]. Если же индоевропейцы с Кавказа начали заселять евразийские степи, то они и должны были сначала освоить степи Предкавказья, а потом заселить степи между Волгой и Доном.

Именно так в языке индоевропейцев могли сохраниться названия деревьев и животных, которые есть на Кавказе и в лесостепной полосе на севере от евразийских степей, но которых нет в степи. Для этого после выхода в степь индоевропейцы должны были снова увидеть этих животных и эти деревья в течение

жизни одного поколения. Такое вполне возможно, если учесть, что кочевая практика предполагает ежегодные меридиональные перекочевки. По мере наступления летней жары степная растительность выгорает, и кочевники движутся со своими стадами на север, пока не достигнут лесостепи. Тут они пасут скот до наступления осенних похолоданий, после чего начинают движение в степь, на юг, где в это время проходят дожди и начинает снова отрастать трава. Зимой кочевники проводят как можно южнее, поскольку тут теплее и снеговой покров не велик, если он вообще есть. Такие сезонные перекочевки вполне допускают возможность из степей Калмыкии за один сезон достигнуть лесостепи Самарской Луки (не более 1000 км).

Вероятно, овцеводство распространилось среди индоевропейцев, когда они еще жили на Кавказе. Выпас овец на горных пастбищах, ежегодные сезонные вертикальные миграции – обычная практика во всей Передней Азии. Но когда кавказские резервуары заполнились, расселение в степи было совершенно очевидным выходом. Согласно выводам археологов, в приволжских и приуральских степях основу стада ямников составляли овцы. [Мерперт 1974, с.103]. Первоначально, то есть в степях между Волгой и Доном индоевропейцы были кочевниками. Однако по мере продвижения на запад в более благоприятные условия для ведения пойменного земледелия под действием высокого критического коэффициента начинается оседание индоевропейцев на землю. Действительно, стационарные поселения ямной культуры обнаружены в долинах рек на запад от Поволжья, главным образом в Приднепровье и в меньшей степени в бассейне Дона. Далее на восток известны лишь временные стоянки [Мерперт 1974, с.107].

Выход индоевропейцев в степь был обусловлен резким изменением здесь обстановки. Вероятно, в это время значительная часть населения среднестоговско-хвалынской общности

переместилась на запад, в украинские степи и именно потому индоевропейцы вышли в степь, что критический коэффициент в степи восточнее Дона резко упал. Кроме того, ямники имели преимущество перед своими предшественниками. Работами лингвистов было установлено, что терминология, связанная с колесным транспортом, является общеиндоевропейской [Мейе 2002, с.402-403]. Далее, на всей территории ямной культуры найдены остатки колесного транспорта – колес, возов, глиняные модели и рисунки, причем древнейшие из этих находок датируются 3200 г. до н.э. [Кульбака, Качур, с.26-32], то есть относятся к раннему периоду существования этой культуры. Возможность использовать колесный транспорт существенно поднимала критическую плотность ямников по сравнению с их предшественниками, у которых такого транспорта не было.

В это же время под действием первого закона резервуара продолжалось расселение племен Балкано-Карпатской общности по Европе. В самом начале IV тыс до н.э. возникает культура воронковидных кубков, которая распространилась от Чехии до юга Скандинавии и от устья Вислы до Нидерландов. Именно поэтому многие следователи отмечают упадок балканской цивилизации в конце IV – начале III тыс. [Черных 1976; Мерперт 1978]. Снижение плотности населения, согласно третьему закону резервуара, привело к регрессу. В результате этого критический коэффициент в Балкано-Карпатской общности упал, и носители среднестоговской культуры начинают туда мигрировать. С начала IV тыс. до н.э. на нижнем Дунае возникает культура Черновода. Румынские археологи, изучавшие эту культуру, пришли к единодушному мнению, что она возникла в результате переселения сюда племен среднестоговской культуры [Телегин 1990, с.12]. Далее, миграции племен культуры Черновода привели к возникновению баденской культуры в Чехии, Венгрии,

Словакии и Австрии и культуры Эзеро в Болгарии.

В результате миграций из украинских степей на запад, критический коэффициент в степи падает, и тут начинают расселяться племена с Крыма и Кубани (культура Кеми-Оба и михайловская культура). Кроме того в степь из лесостепи переселяются носители трипольской культуры, образуя тут усатовскую культуру. Миграции с территории трипольской культуры на юг, север и восток, начавшиеся в середине IV тыс. до н.э. и особенно в конце этого тысячелетия, приводят в соответствии с третьим законом резервуара к снижению уровня развития в украинской лесостепи. Трипольская культура вступает в конце IV - начале III тыс. до н.э. в период упадка, центральная часть ее ареала заустевает, а известные археологами трипольские группы этого периода располагаются на ее периферии.

Таким образом, миграции населения ямной культуры, то есть индоевропейцев, на территорию Украины были следствием падения здесь критического коэффициента в результате вторичных миграций носителей трипольской и среднестоговской культур на запад, северо-восток и север под действием первого закона резервуара. Пришедшие в степи Украины ямники восприняли от среднестоговского населения многие особенности культуры – погребальный обряд (скорченное положение тела, посыпка охрой, курган), орнаментацию керамики шнуром, боевые топоры. Именно среднестоговская культура обладала «...одним из самых древних и многообразных комплексов шнуровой орнаментации» [Мерперт, с.123], тут также зафиксированы многие детали вышеописанного похоронного обряда [Археология УССР, т.1, с.309].

Вывод Гимбутас о первой волне миграции индоевропейцев в начале IV тыс. до н.э. был ошибочным, поскольку не соответствует данным лингвистики, которые, как уже отмечалось выше, дают

основания полагать, что среднестоговские племена не были индоевропейскими по языку. Расселение индоевропейцев (племен ямной культуры) в лесной зоне Европы началось на 1000 лет позже. «Волна степных скотоводов позднеямной культуры проникла далеко на Балканы. Курганные погребения с охрой этого времени появились не только в Румынии, но и в Болгарии, Югославии и Венгрии. Заметим, что курганы последних следует отличать от погребений тоже в курганах и с охрой иных культур Подунавья: Чернавода II-III, Фолтешти I-III, Городск-Городиште, Коцофени др. Многие из них появились здесь намного ранее ямных и имеют иное происхождение» [Телегин 1990, с.15-16]. Следовательно, оседание носителей ямной культуры происходило не только в степной зоне, т.е. в нижнем течении Днепра и Дона. Есть археологические находки, свидетельствующие о расселении ямного населения на Балканах [Мерперт 1965] и в бассейне Среднего Дуная [Даниленко, Шмаглий 1973]. Третьим лесным районом, в котором происходило оседание племен ямной культуры, была украинская лесостепь [Археология УССР, т.1, с.350].

Попробуем теперь, используя лингвистические и археологические материалы, реконструировать события ранней истории индоевропейцев. Как отмечалось выше, лингвисты утверждают, что после отделения от индоевропейского языка анатолийских языков индоевропейцы разделились на группы. В первую группу входили предки италийских, кельтских и родственных им иллирийского, венетского и мессапского языков, а также тохарских языков, в другую группу вошли диалекты – предки арийских, балтийских, славянских, германских языков, а также греческого и армянского. Потом эта группа вновь разделилась на две группы. В одну из них вошли арийский и будущие греческий, фракийский, македонский, армянский и фригийский языки (пусть это будет группа 2), а в другую предки германского,

балтийского и славянского языков (группа 3). Возможно, что вместе с этими праязыками были другие языки, которые вымерли и о которых мы ничего не знаем.

Группировка праязыков позволяет сделать следующие наблюдения. Большинство языков второй группы имеет прямую связь с Балканами. Это фракийский, македонский и греческий. Фригийский язык в историческое время зафиксирован на севере Малой Азии, а армянский – в ее восточной части и на Армянском нагорье. Однако имеются прямые свидетельства античных авторов о том, что в древности фригийцы жили на Балканах, а в Малую Азию переселились впоследствии. Геродот также сообщал, что армяне когда-то отделились от фригийцев [VII, 73]. Следовательно, все языки данной группы когда-то существовали на Балканах, все, кроме арийских.

Единый арийский язык просуществовал до отделения от него нуристанских языков [Эдельман]. Затем начался распад собственно индоиранских языков на дардскую, иранскую и индоарийскую группы. Древнейшие памятники иранских и индоарийских языков Авеста (1200-600 гг. до н.э.) и Ригведа (1500-1300 гг. до н.э.) обнаруживают между собой значительную близость, что позволяет думать, что индоиранский язык распался где-то в начале II тыс. до н.э. [Mallory 1989], то есть значительно позже, чем выделились из индоевропейской общности другие праязыки (начало III тыс. до н.э.). Следовательно, из индоевропейской общности вместе с другими индоевропейскими языками сперва выделился единый арийский язык, а примерно через тысячу лет он распался на нуристанский, дардский, индоарийский и иранский.

Исследования показали, что индоиранские гидронимы встречаются по всей зоне евразийских степей [Членова, с.259-268]. Кроме того, нам достоверно известно, что население евразийских

степей, по крайней мере, с VII в. до н.э. и примерно по VII в. н.э. говорило на языках, родственных индоарийским. Следовательно, нет никаких оснований связывать возникновение индоиранского языка с Балканами. Однако лингвисты отмечают большую близость армянского и греческого по сравнению с арийским [Гамкрелидзе, Иванов, с.899], следовательно, арийский выделился из общности раньше.

Языки третьей группы (славянский, балтийский и германский) определенно связаны с культурно-исторической общностью культур шнуровой керамики и боевых топоров (см. ниже). Эта общность занимала преимущественно северную часть Центральной и Восточной Европы.

Языки первой группы (италийский, кельтский и др.), кроме тохарского, связаны с культурно-исторической общностью полей погребальных урн (см. ниже), которая возникла в бассейне Среднего Дуная. Тохарские языки в историческое время зафиксированы в Таримской впадине на северо-западе Китая.

Следовательно, вышеуказанные группировки языков связаны с определенными районами в лесной зоне Европы, в каждом из которых, как отмечалось выше, происходило оседание ямных племен. Эти факты со всей очевидностью свидетельствуют о ранних миграциях индоевропейцев в евразийских степях. Разделение единого индоевропейского ареала на две первоначальные общности было, возможно, вызвано выходом за Кавказский хребет в предгорья Северного Кавказа, а последующий раздел на группы было обусловлено тем, что переход к кочевничеству в степи происходил волнами. Вероятнее всего, первыми в степь вышли языки второй группы, причем предки греческого, фракийского, армянского и др. должны были занять более западное положение по отношению к арийскому языку. Продвижение в степь следующей волны индоевропейских мигрантов,

носителей праславяно-германо-балтийских языков или праитало-кельтских зафиксировало крайнее восточное положение ариев и не позволило им последовать на запад за родственными праармяно-греко-фракийскими языками.

Такое предположение хорошо согласуется с археологически засвидетельствованным продвижением ямных племен на восток и формировании тут родственных культур, например афанасьевской. Это позволяет предположить, что именно арийцы заняли при расселении индоевропейцев в евразийских степях крайнее восточное положение в степях за Уралом. Только такое положение арийских языков могло позволить им так долго доминировать в степи, поскольку именно восточные районы евразийских степей были генераторами миграций, вызванных оседанием кочевников на западе.

Арийские языки, несомненно, занимали обширные просторы степей Азии. Из этой степной зоны в периоды, когда критический коэффициент становился слишком высок, происходило оседание арийского населения в лесной зоне, как это и предусматривает предлагаемая модель. Именно поэтому археологи находят арийские культуры в сибирской лесостепи, на Алтае, Памире и Тянь-Шане, в горах Туркмении. Отсюда же происходили миграции в бассейн Инда и на Иранское нагорье. Очень возможно, что иранцы принесли культ бобра на свою новую родину, где бобров почти нет, из сибирской лесостепи, где бобры водились в изобилии. Вместе с тем, когда степное население оседало где-нибудь в лесной зоне, критический коэффициент в степи резко падал, и какая-нибудь группа ранее оседлого населения могла снова стать кочевниками. Именно так Великая Степь стала тюркоязычной. Поэтому неправильно сводить все кочевое население только к иранским языкам лишь на том основании, что аланы (асы, то есть осетины) достоверно говорили на иранском языке. Процесс был

очень сложным и многие кочевники, скорее всего, говорили на языках промежуточных между иранским и индоарийским, чем объясняется наличие некоторых индоарийских черт в скифо-сарматских языках, которые отмечают лингвисты. Например, заимствованный славянами теоним Сварог образован от индоарийского, но не иранского svarga – небо [Трубачев 1991, с.47].

Если арийцы двинулись на восток, за Волгу, то остальные носители языков этой группы должны были отправиться на запад, в степи Украины, чтобы впоследствии осесть в лесной зоне на Балканах. То есть

Рейна до Средней Волги и от Швеции до Альп. Именно миграция шнуровиков в Швецию позволяет связывать эту культуру с североевропейцами, поскольку германский язык, по-видимому, сформировался на юге Швеции. Миграция шнуровиков в Швецию была последней миграцией в этот район, что и позволяет полагать, что именно шнуровики принесли сюда прагерманский язык. Для культур шнуровой керамики и ямной культуры общими, являются похоронный обряд, включающий себя скорченное положение умерших под курганной насыпью, наличие

греческий и армянский языки дольше развивались вместе, в то время как арийский уже отделился.

Из всех групп индоевропейцев нас более всего интересует балто-славяно-германская группа, то есть североевропейцы, как их иногда называют. Эту группу обычно связывают с культурами шнуровой керамики и боевых топоров. Памятники этой культурной общности обнаружены на огромной территории: от

охры в могиле и шнуровая орнаментация керамики.

Следует отметить, что практически все исследователи полагают, что общность многих черт культур шнуровой керамики предполагает их первоначальное формирование на относительно небольшой территории, но где и когда это происходило, пока непонятно [Археология СССР. Эпоха бронзы, с.35; Мерперт 1976, с.103-127]. Однако археологи не сомневаются в том, что

обряд погребения под курганами ранее всего появился на территории степи и был совершенно чужд населению лесной зоны [Мерперт 1976, с.117 и сл.].

Таким образом, миграции с территории ямной культуры, приведшие к формированию важнейших черт культур шнуровой керамики, несомненны. С точки зрения установления языковой принадлежности носителей культур шнуровой керамики, всякие споры о степени участия местных культур и ямников в процессе формирования шнуровых культур, поэтому не имеют смысла. Очевидно, что носители культур шнуровой керамики говорили уже на индоевропейских языках.

Распространение индоевропейцев севернее Карпат могло происходить как через бассейн Среднего Дуная и далее на север, так и через лесную зону современной Украины. Скорее всего, будущие носители культур шнуровой керамики двигались последним путем. Хотя шнуровые культуры и обнаружены на территории Словакии и Моравии, так называемая богемско-моравская культура [Маснік, s.1-212], они существенно моложе подкарпатской культуры, расположенной севернее Карпат на территории юго-восточной Польши и северо-западной Украины [Археология УССР, т.1, с.391]. Следовательно, более вероятным был приход шнуровиков на юг от Карпат с севера, а не наоборот.

Если индоевропейцы продвигались на северо-запад, на территорию Польши и Германии, из украинских степей, то их движение должно было происходить через Вольны и Приднестровье. В отношении этого региона собраны серьезные аргументы, позволяющие считать его возможным центром формирования культур шнуровой керамики [Свешніков 1974]. Кроме этого направления четко выделяется еще одно: из Среднего Поднепровья на север в лесную зону Восточной Европы. Именно так двигались носители среднеднепровской культуры шнуровой керамики,

первоначально занимавшей небольшую территорию на правобережье Среднего Поднепровья. Есть достаточно убедительные доказательства, чтобы считать, что в формировании среднеднепровской культуры приняло участие население древнеямной культуры [Артеменко 1963]. Как мы уже выяснили, в состав носителей культур шнуровой керамики должны были входить носители прабалтийского, праславянского, и прагерманского языков. Впрочем, очевидно, что в составе этих культур было значительно больше языков, которые до нас не дошли. Всего археологи насчитывают более 20 различных групп шнуровой керамики [Археология СССР. Эпоха бронзы..., с.35].

Таким образом, оседание различных групп древнеямного населения в лесостепи соответствует группировкам индоевропейских языков. При этом непонятным остается схема движения носителей тохарского языка. Если, согласно лингвистическим данным они двигались вместе с кельто-италийскими языками, то непонятно, как они оказались в Восточном Туркестане. Сколько-нибудь убедительного ответа на этот вопрос нет. Можно высказать предположение, что в степь первой вышли языки первой группы (итало-кельтские и тохарский) и отделение носителей пратохарских языков произошло так, как это описано выше для арийского. То есть, тохарские языки первыми оказались в казахстанской степи, а затем за ними туда последовали носители арийского языка. Под действием высокого критического коэффициента в степи тохары потом осели в Таримской впадине.

Однако есть еще один вариант расселения тохар. Возможно, что выйдя в степь вместе с кельто-италийскими языками, они не осели вместе с ними в бассейне Дуная, а остались в степи и уже вместе со следующей волной индоевропейских переселенцев (германо-балто-славянами) вошли в состав культур шнуровой керамики в украинской лесостепи

и создали тут среднеднепровскую культуру. Памятники среднеднепровской культуры найдены в верховьях Оки, на левобережье Западной Двины и в верховьях Немана. Как считает целый ряд исследователей, расселение носителей среднеднепровской культуры в Волго-Окском междуречье привело к формированию тут фатьяновской культуры [Археология УССР, т.1, с.370-375]. В дальнейшем носители фатьяновской культуры двигались на восток, пока не вышли в Средневожский лесостепной резервуар [Археология СССР. Эпоха бронзы..., с.63].

Средневожский резервуар, безусловно, являлся центром расселения финно-угорских народов. Это соответствует обширным связям тохарского и прафинно-угорского языка, причем эти связи прослеживаются не только на уровне лексики [Гамкрелидзе, Иванов, с.936 и сл.], но также и фонетике и морфологии [Тохарские языки, с.11]. Кроме того, тохарский имеет ряд общих изоглосс с балто-германо-славянской общностью [Гамкрелидзе, Иванов, с.938]. Одним из наиболее ярких примеров является название рыбы «лосось». Обитает эта рыба

в реках бассейнов Каспийского и Балтийского морей, то есть в ареале культур шнуровой керамики. В балтийском, германском, славянском и осетинском языках существовал общий термин для названия этой рыбы. В тохарском этот термин использовался для названия рыбы вообще [Гамкрелидзе, Иванов, с.536], очевидно потому, что лосось в Восточном Туркестане не живет. Это свидетельствует о миграциях тохар с запада, отсюда, где они имели контакты с прабалтами, прагерманцами и праславянами, то есть могли входить в общность культур шнуровой керамики. В дальнейшем, примерно в XIII – XII вв. до н.э., вследствие оседания на землю носителей срубной культуры в степях резко падает критический коэффициент (см. ниже). Это позволило предкам тохар выйти в степь и стать кочевниками, в результате чего фатьяновская культура в лесной зоне исчезла, и тохары, пройдя долгий путь на восток, оказались в Восточном Туркестане [Клейн, гл.X, §6].

(Далі буде).

